

ЭСХАТОЛОГИЯ РЕФОРМАЦИИ В РУССКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ В XVII в.

XVII век в истории России является важной вехой, поскольку в этот период происходила внутренняя перестройка русской культуры, которая обеспечила в следующем столетии переход к культуре Нового времени. Религиозность была одной из характерных черт общественного сознания той эпохи, поэтому определяющими факторами являлись события, происходившие в церковной жизни. В России в это время очень остро встала проблема преодоления кризиса духовности, который наметился еще в XVI в. и особенно усилился в годы Смуты и последовавшей за ней социальной и политической нестабильности первой трети XVII в. **Русская православная церковь попыталась найти выход в политике конфессионального и культурного изоляционизма, которую намеревался проводить в жизнь патриарх Филарет. Убедительным проявлением такого рода тенденции служит решение собора 1620 г., вводившее обязательное перекрещивание для всех выходцев из Польско-Литовского государства — католиков, униатов и даже некоторых православных.¹ В этом ряду следует назвать и Указ 1627 г. о запрете населению ввозить, покупать и даже держать у себя книги «литовской» печати.²**

Курс на конфессиональную и культурную изоляцию, казалось бы, успешно проводился в жизнь, но в XVII в. такая политика уже не могла способствовать преодолению духовного кризиса, который все более углублялся. Это прекрасно осознавалось Церковью и самим патриархом. Только этим обстоятельством можно объяснить попытку издания в Москве Катихизиса Лаврентия Зизания с целью дать пастве религиозный учебник, способный в доступной форме изложить основные положения христианского вероучения. Южнорусское происхождение этого труда знаменовало нарушение провозглашенного принципа изоляционизма. Литовский протопоп привез свое сочинение под названием «Оглашение» в Москву, не найдя поддержки в Киеве. Даже после изменения

¹ «Указ, како изыскивати и о самех белорусцев, иже приходящих от польскаго и от литовскаго государства. И хотящих быти с нами вкупе христианы. И коих из тех белорусцев крестити достоит или миром помазывать, и како действовати о них, еже к просвещенным христианом сочтовати их». Нач.: «Божиею милостию аз, смиренный Филарет, патриарх Московский и всея Руси с сыновы моими...» (Требник иноческий. М., 1639. Л. 242—246). Описание издания см.: *Зернова*. С. 52—53, № 145.

² *Булычев А. А.* История одной политической кампании XVII века: Законодательные акты второй половины 1620-х годов о запрете свободного распространения «литовских» печатных и рукописных книг в России. М., 2004.

названия и существенных исправлений,³ внесенных по указанию патриарха Филарета, изданный текст Катихизиса⁴ не был принят Русской церковью в качестве религиозного учебника,⁵ но это не помешало ему распространяться в большом количестве списков под названием «Большой Катихизис». Исследователи давно обратили внимание на такую особенность сочинения Лаврентия Зизания как полемическая направленность, что не было характерно для Катихизисов. Значительный объем текста позволил автору представить современное состояние богословской мысли православной Киевской митрополии по многим актуальным догматическим, обрядовым вопросам, вызывавшим ожесточенные дискуссии с инославными и униатами. При этом часто высказывалась не вполне приемлемая для ортодоксального православия точка зрения. Возможно, этим объясняется факт неприятия этого текста Русской церковью, хотя потребность в такого рода сочинениях явно ощущалась.

Несмотря на неудачную попытку издания Катихизиса, он стал весьма популярным в среде русских книжников. Дошло большое количество рукописных списков XVII—XVIII вв., что свидетельствует об интересе читателей к этому сочинению. Даже в составе библиотеки царского духовника Стефана Вонифатьева был рукописный сборник, в котором находился текст Большого Катихизиса, содержащий исключенные при подготовке к изданию статьи.⁶ Совершенно очевидно, что читателей он интересовал не столько в качестве религиозного учебника, сколько как источник идей, в том числе и эсхатологических, которые были высказаны в очень доступной форме во многих главах Катихизиса. В качестве примера подобного изложения приведем фрагмент из 4-й главы «О вере православной»: «Вопрос: Чесо ради людие в последняя лета от веры отступят, и абие к ереси приступати имут? Ответ: Трех ради вин. Первая убо сия есть, еже Даниил пророк рече: Мерзость запустения станет на месте святе, сиречь, еже обладает нечестивая ересь церкви святых. Сия убо мерзость толкуется по писанию Иоанна Златоустаго, воинство антихристово разоряющее церковь Божию. Тогда людие, не имуща где скрытися от таковых скорбей и великих мучений, их ради гонения приступати имут к ересем. Вторая вина сия есть...»⁷ Читатель в очень концентрированном виде получал информацию о предсказании пророка Даниила, истолковании этого места из Священного Писания Иоанном Златоустом, после чего читатель должен был сделать соответствующий вывод.

Некоторые главы были полностью посвящены эсхатологической теме — например, глава 23-я «О Втором пришествии Христе и о нескончаемом царствии его». В ней были кратко представлены основные идеи православного эсхатологического учения. Для иллюстрации приведем фрагмент ответа на вопрос «Ка-

³ Об этом см.: Прение литовскаго протопопа Лаврентия Зизания с игуменом Илиєю и справщиком Григорием по поводу исправления составленнаго Лаврентием Катихизиса // *Летописи русской литературы и древности*. М., 1859. Т. 2. С. 80—100.

⁴ Описание издания см.: *Зернова*. С. 34, № 63.

⁵ Об этом см.: *Харлампович К. В.* Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1. С. 103—108.

⁶ Об этом более подробно см.: *Румянцева В. С.* Народное антицерковное движение в России в XVII веке. М., 1986. С. 40—41.

⁷ *Зизаний Лаврентий*. Катихизис. Гродно, 1787. Л. 24 об.—25. Описание издания см.: *Вознесенский А. В.* Кириллические издания старообрядческих типографий конца XVIII — начала XIX века. Л., 1991. С. 126, № 248.

кова убо знамения будут пред пришествием Христовым и пред Судным днем?»: «Различна и многа вещают нам Святая Писания. Знамение же есть двое, едино далечайшее, другое есть пред пришествием Христовым <...>. Далняя сия суть, о них же Господь сам глагола. 1. Мнози востанут лжехристи и лжепророцы. <...> 15. Неции отступят от веры. 16. Станет мерзость запустения, реченная Даниилом пророком, на месте святе. 17. Потом же приидет антихрист».⁸ Возможно, знакомство с эсхатологическими идеями, сформулированными Лаврентием Зизанием, вызвало в русском обществе интерес к южнорусским произведениям соответствующей тематики. Речь идет о сочинении Стефана Зизания «Казанье св. Кирилла»⁹ и «Палинодии» Захарии Копыстенского,¹⁰ с которыми русское общество познакомилось уже в первой половине XVII в. Все это свидетельствовало о повышенном интересе к эсхатологической теме и о расширении репертуара соответствующих сочинений.

Кризисные явления в русском обществе всегда приводили к возрождению интереса к эсхатологическому учению, основу которого составляли тексты Священного Писания. Древняя Русь восприняла от Византии, в том числе и через южнославянское посредничество, комплекс эсхатологических сочинений, написанных авторитетнейшими отцами Церкви или связываемых с их именами.¹¹ Острота эсхатологических ожиданий в конце XV в. усилила интерес русских книжников к этой теме, соответственно расширив и репертуар сочинений.¹² Возродившийся в XVII в. интерес к эсхатологии актуализировал накопившийся к этому времени большой запас сочинений, обсуждающих вопросы о конечных судьбах мира и человека. Об этом свидетельствуют не только их рукописные списки, но и печатные издания, что еще более показательно, поскольку издательская деятельность была отражением политики Церкви.

В 1641 г. в Москве впервые был издан «Маргарит», включивший все связанное в русской традиции с именем Иоанна Златоуста — сочинения, его житие и дополнительные материалы справочно-повествовательного характера.¹³ В основной своей части московское издание практически дословно копировало «Маргарит», напечатанный в 1595 г. в Остроге.¹⁴ Я. Д. Исаевич ввел в научный оборот экземпляр острожского издания Маргарита, по которому текст набирался в Москве. Исследователь таким образом охарактеризовал внесенные в него киноарные исправления: «Подчеркнуты одни ударения и проставлены другие, устранены (правда, не всегда последовательно) орфографические болгаризмы,

⁸ *Зизаний Лаврентий*. Катихизис. Л. 101 об.—102.

⁹ *Зизаний Стефан*. Казанье святого Кирилла патриархи Иерусалимского, о антихристе и знаках его, з росширением науки против ересей розных. Вильна, 1596. Описание издания см.: *Гусева А. А.* Издания кирилловского шрифта второй половины XVI века. М., 2003. Кн. 2. С. 1022—1024.

¹⁰ Палинодия: Сочинение Захарии Копыстенского 1621 г. // РИБ. СПб., 1878. Т. 4. Стб. 313—1199.

¹¹ Характеристику этих сочинений см.: *Сахаров В.* Эсхатологические сочинения и сказания в древнерусской письменности и влияние их на народные духовные стихи. Тула, 1879. С. 72—148.

¹² Об этом более подробно см.: *Алексеев А. И.* Под знаком конца времен: Очерки русской религиозности конца XIV — начала XVI в. СПб., 2002.

¹³ О значении издания этого сборника см.: *Демин А. С.* Первое издание Пролога и культурные потребности русского общества 1630—1640-х годов // Литературный сборник XVII века Пролог. М., 1978. С. 64.

¹⁴ *Иоанн Златоуст*. Маргарит. Острог, 1595. Описание издания см.: *Гусева А. А.* Издания кирилловского шрифта второй половины XVI века. Кн. 2. С. 910—913.

а также украинизмы в лексике (вм. *служующе* — *служаще*, *друковати* — *печата-ти*) («... московские наборщики очень точно воспроизвели правки».¹⁵ Издатели в Москве ограничились этими изменениями, сохранив структуру и текст острожского издания, добавив дополнительные материалы. Повторили не только оглавление и сами тексты, но и предисловие, заменив¹⁶ или пропустив несколько слов,¹⁷ которые были бы непонятны русскому читателю. Естественно, что упоминание «князя» (Василия Острожского) также было исключено, а в этом месте указывалось имя «государя царя и великого князя Михаила Феодоровича всея Руси самодержца», а вместо Острога назывался «царствующий град Москва».

Все включенные в Маргарит сочинения, связанные в русской традиции с именем Иоанна Златоуста, разумеется, имели хождение в рукописных списках, были популярным и любимым чтением на Руси со времени принятия христианства. Факт издания их печатным способом в составе сборника очень показателен. Это указывало на стремление Русской церкви заняться просвещением населения, предоставить ему возможность удовлетворить потребности в душеполезном чтении. В состав Маргарита входили в том числе и сочинения, посвященные эсхатологической теме. Ярким примером может служить «Слово о лже-проороках и о ложных учителях, и о безбожных скверных еретиках, и о знамениах скончания века сего».¹⁸ Как и все сочинения, связанные с именем Иоанна Златоуста, это Слово не столько излагало идеи, относящиеся к эсхатологическому учению, сколько предостерегало читателей, призывало обратить внимание на предсказания Священного Писания и быть бдительными в эти «злые», «последние» времена. Вот характерный пример подобных рассуждений: «Блаженный апостол Павел вопиет, блюдитесь псов, блюдитесь злых делателей, блюдитесь раскола. И паки, блюдите како ходите, яко дние лукави суть. Тако же и Иоанн Богослов, блюдите себе, да не погубите яже сотвористе. Мнози бо прелесницы изыдоша в мир».¹⁹

Чтение подобных сочинений настраивало читателя на восприятие современности в эсхатологических категориях. Издание в 1641 г. сборника «Маргарит», который был значительно полнее рукописных, свидетельствует о новой тенденции в политике Русской церкви, связанной с ее желанием преодолеть кризисные явления в жизни русского общества. Положив в основу острожское издание, Москва показала, что она готова ориентироваться на достижения Киевской митрополии в области духовного возрождения, движение к которому намечилось там в конце XVI в. и было связано с Реформацией и контрреформацией. В период патриаршества Иосифа (1642—1652) эта тенденция стала более очевидной. В это время были в значительной мере подготовлены реформы

¹⁵ Об экземпляре острожского издания, по которому набирался текст в Москве см.: *Исаевич Я. Д.* Русско-украинские связи в области книгопечатания в конце XVI — первой половине XVII в. // Книга в России до середины XIX в. Л., 1978. С. 164—165.

¹⁶ Например, слово «уныняюще» заменили на «уоставляющи» и т. п.

¹⁷ Например, пропустили уточняющее словосочетание «рекше залецанья».

¹⁸ Нач.: «Болезнено слово, занеже последнее якоже является, но многия радости исполнено» — *Иоанн Златоуст.* Маргарит. М., 1641. Л. 576—598. (Иоанн Златоуст в древнерусской и южнославянской письменности XI—XVI веков: Каталог гомилий / Сост.: Е. Э. Гранстрем, О. В. Творогов, А. Вальевичус СПб., 1998. С. 22—23, № 33).

¹⁹ *Иоанн Златоуст.* Маргарит. М., 1641. Л. 577 об.

в Русской церкви, завершение которых связано с именем патриарха Никона.²⁰ Об этом свидетельствует прежде всего деятельность Печатного двора, поскольку в то время не только увеличилось количество выпускаемой продукции, но и существенно поменялся репертуар. С момента организации Печатного двора издавалась в основном, за редким исключением, богослужебная литература, а в этот период важное значение приобрело издание учебной литературы и богословских сочинений отцов Церкви.²¹

Обращает на себя внимание тот факт, что два раза в 1647 г. и дважды в 1652 г. были изданы «Поучения» Ефрема Сирина.²² Даже названия включенных в данную книгу сочинений свидетельствуют о внимании автора к эсхатологической теме — например, «Слово на пришествие Господа, на окончание мира и на пришествие антихриста»; Слово 105 озаглавлено «О антихристе». Очень эмоциональная проповедь сирийца, по-видимому, воспринималась как весьма актуальная. Неясность толкований соответствующих текстов Священного Писания придавала особый колорит: «А враг не тако приидет на землю на облаце светле, отступник бо есть. Родит бо ся воистину от жены скверны, сосуд ему. Не сам же родится сатана, но во образ его приидет прескверный, яко тать».²³ Лирическая форма не смягчала, а, наоборот, придавала резкость и значимость обращениям: «О человецы, никто же вас веруй нечестивому, никто же от вас послушай мучителя богопротивника».²⁴

Судя по четырем изданиям, осуществленным в столь короткое время, Поучения Ефрема Сирина пользовалась большим спросом, тиражи расходились довольно быстро. С. А. Зеньковский по поводу интереса русского общества к этим текстам замечает следующее: «Любопытно, что интерес к творениям сирийского проповедника не был в то время ограничен Русью или даже православным Востоком. Взволнованные проповедью вождей Реформации и Контрреформации религиозные люди Запада легко поддавали под влияние беспощадных и даже жестоких слов св. Ефрема». Сославшись на исследование Б. Паскаля, ученый сообщил, что только во Франции в предреформационный и реформационный период на латинском и французском языке вышло не менее шести изданий произведений Ефрема Сирина. По мнению исследователя, «мысли сирийца оказали немалое влияние на развитие западной религиозной мысли».²⁵

Издание сочинений Ефрема Сирина в Москве свидетельствует о возросшем интересе к эсхатологической теме и у читателей, и у издателей. В 1647 г. в Москве увидел свет Сборник из 71 слова,²⁶ в котором были помещены, в том числе, и

²⁰ Об этом см.: *Каптерев Н. Ф.* Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. М., 2003.

²¹ Об этом более подробно см.: *Зеньковский С.* Русское старообрядчество: Духовные движения семнадцатого века. М., 1995. С. 91—101; *Rothe H.* Zur Kiever Literatur in Moskau I // Studien zu Literatur und Kultur in Osteuropa: Bonner Beiträge zum 9. Internationalen Slawistenkongress in Kiev. Köln; Wien, 1983. S. 236—242.

²² Описания изданий см.: *Зернова.* С. 65, № 198; с. 66, № 202; с. 74, № 237; с. 75, № 242.

²³ *Ефрем Сирин.* Поучения. М., 1647. Л. 300.

²⁴ Там же. Л. 303 об.

²⁵ *Зеньковский С.* Русское старообрядчество. С. 99.

²⁶ Описание издания см.: *Зернова.* С. 65, № 200. Описание состава см.: *Мирзоян А. Г.* Описание литературного состава русских старопечатных сборников XVII в. // *Демин А. С.* О древнерусском литературном творчестве. М., 2003. Прил. 4. С. 696—701.

популярные на Руси эсхатологические сочинения, распространявшиеся до этого в рукописных списках. Они составили своеобразный блок: «Слово в неделю мясопустную Кирила архиепископа Александрийского о исходе души от тела и о Втором пришествии»;²⁷ «Блаженного Ипполита папы Римского и мученика. Слово в неделю мясопустную, о скончании мира и о антихристе, и о Втором пришествии Господа нашего Иисуса Христа»;²⁸ «В неделю мясопустную, преподобнаго отца нашего Паладия мниха. Слово о Втором пришествии Христе и о Страшном суде, и о будущей муце, и о умирении души».²⁹ Эти сочинения привлекли особое внимание русских читателей, именно их будут в большом количестве переписывать и включать в сборники в XVII—XVIII вв.

Деятельность Печатного двора отражала политику Русской церкви, направленную на преодоление кризисных явлений в обществе. Исследователи давно обратили в этой связи внимание на издания в тот период учебной литературы. Мы постарались показать, что не менее важным в этом плане является и пристальный интерес издателей к эсхатологическим сочинениям. При этом совершенно очевидно, что речь шла не только об удовлетворении читательского спроса, но и о попытке направить внимание паствы в нужное русло, поддержать в обществе эсхатологические ожидания. Сделано это было, прежде всего, за счет издания произведений, созданных авторитетнейшими отцами Церкви периода классического христианства или связываемых с их именами, которые до этого распространялись в рукописном виде. Кроме того, в XVII в. был значительно расширен круг текстов, отражающих православное эсхатологическое учение.

В России шло активное освоение творческого наследия Киевской митрополии. Несмотря на кратковременный запрет «литовских» книг, украинско-белорусские издания не только проникали в среду русского православного населения, но и распространялись в рукописном виде, включенные в сборники и адаптированные для этого читателя путем «перевода». Они стали источником, из которого заимствовались различного рода идеи.³⁰ Кроме того, в Москве были осуществлены два издания — сборник «Кириллова книга» (1644 г.)³¹ и «Книга о вере» (1648 г.),³² которые были составлены из сочинений украинско-белорусских авторов конца XVI — начала XVII в. **Творческое наследие Киевской митрополии**, создававшееся в постоянных дискуссиях с католиками, протестантами и униатами, под их непосредственным влиянием, не может быть определено как ортодоксально-православное.

Издание сборника «Кириллова книга», как это следует из предисловий и послесловия, должно было внести существенный вклад в проблему религиозного просвещения населения России и дать защитникам православия матери-

²⁷ Сборник из 71 слова. М., 1647. Л. 108 об.—119 об.

²⁸ Там же. Л. 120—140.

²⁹ Там же. Л. 140 об.—158.

³⁰ Об этом см.: *Опарина Т. А.* Иван Наседка и полемическое богословие Киевской митрополии. Новосибирск, 1998. С. 3—212.

³¹ Историю изучения и характеристику издания см.: *Rothe H.* Zur Kiever Literatur in Moskau I. S. 233—260; *Опарина Т. А.* Иван Наседка и полемическое богословие Киевской митрополии. С. 212—243.

³² Историю изучения и характеристику издания см.: *Rothe H.* Zur Kiever Literatur in Moskau II // *Slawistische Studien zum IX. Internationalen Slawistenkongress in Kiev 1983.* Köln; Wien, 1983. S. 417—434; *Опарина Т. А.* Иван Наседка и полемическое богословие Киевской митрополии. С. 243—284.

ал, способный помочь аргументированно отстаивать свои позиции перед лицом еретиков: католиков, протестантов и униатов. Разумеется, в русской традиции это был не первый опыт составления подобного сборника,³³ но его выделяет из ряда других фундаментальность, выразившаяся в подборе материала по соответствующей проблематике. Сборник не производит впечатления внутренней целостности. Его содержание распадается на несколько тематических составляющих. Это связано с включенными в него полемическими сочинениями, переведенными с «простой мовы» на церковнославянский язык, переработанными и адаптированными для русского читателя украинско-белорусскими произведениями, а также с попыткой издателей не просто составить сборник богословских трудов, но и придать ему вид религиозного учебника, способного выполнить просветительскую функцию.

Основную часть сборника открывает «Сказание на осьмый век и предание к познанию веры (...) и о антихристе» Кирилла Иерусалимского.³⁴ Составители использовали сочинение Стефана Зизания «Казанье святого Кирилла патриарха Иерусалимского, о антихристе и знаках его...», осуществив его перевод с «простой мовы» на церковнославянский язык. Название своего сочинения Стефан Зизаний сформулировал, исходя из того, что он представил толкование одного из Огласительных слов Кирилла Иерусалимского, посвященного раскрытию эсхатологической темы. Сочинение Стефана Зизания не только определило название сборника — поднятая в нем тема станет восприниматься в русском обществе как идейная доминанта «Кирилловой книги». В «Сказании на осьмый век» были представлены идеи, которые можно обозначить как эсхатологические построения, сформулированные одним из православных авторов Киевской митрополии.³⁵

На сборник «Кириллова книга» Русская церковь возлагала большие надежды и в плане предоставления материала для дискуссий с инославными, и в плане религиозного просвещения населения; надежды эти не вполне оправдались. Состоявшиеся в 1644—1645 гг. письменные и устные прения с протестантами, в которых был использован материал сборника, обнаружили недостаточную аргументированность позиции русской стороны.³⁶ По мнению Х. Роте, именно это обстоятельство обусловило в 1648 г. выход «Книги о вере», которая была улучшенным вариантом сборника и представляла собой уже разновидность религиозного учебника. По справедливому замечанию исследователя, «Книга о вере» «обязана своим появлением западноевропейской Реформации и существованию внутрицерковных конфликтов на этой почве — Русская церковь отреагировала на Реформацию с большим запозданием».³⁷

³³ О более раннем опыте составления Иваном Наседкой сборника «Изложение на люторы» см.: Голубцов А. П. Прения о вере, вызванные делом царевны Ирины Михайловны и королевича Вальдемара. М., 1888; *Опарина Т. А.* Иван Наседка и полемическое богословие Киевской митрополии. С. 72—101.

³⁴ Кириллова книга. М., 1644. Л. 1—82 (третьего счета)

³⁵ Характеристику содержания см.: *Опарина Т. А.* Иван Наседка и полемическое богословие Киевской митрополии. С. 115—135.

³⁶ Об этом более подробно см.: *Rothe H.* Zur Kiever Literatur in Moskau I. S. 244—245; *Опарина Т. А.* Иван Наседка и полемическое богословие Киевской митрополии. С. 230—240.

³⁷ *Rothe H.* Zur Kiever Literatur in Moskau II. S. 417.

30-я глава «Книги о вере», озаглавленная «О антихристе и о скончании мира, и о Страшном суде. Свидетельства от Святаго Писания»,³⁸ заключала в себе эсхатологические построения. В ней были представлены основные идеи, сформулированные православными авторами Киевской митрополии. Русский читатель, уже знакомый со многими южнорусскими произведениями, в очень концентрированном виде получал информацию еще об одном варианте эсхатологических построений. В этой главе с особой силой проявилась острота ожиданий конца мира, поскольку в ней было уже не просто провозглашено близкое пришествие антихриста и необходимость в этой связи особой бдительности, но и указано, что местом «последнего отступления» от веры может стать Россия и произойти это должно в 1666 г.

Таким образом, издание сборника «Кириллова книга» и «Книги о вере», которые необычайно обостряли в сознании людей восприятие действительности в эсхатологических категориях, в сущности, завершало целый этап церковной политики, направленной на преодоление духовного кризиса. Это была попытка Русской церкви создать психологическую, «стрессовую» ситуацию с целью повернуть паству в сторону православно-христианских идеалов и тем самым укрепить собственные позиции. Издания как бы подвели итог рукописной традиции функционирования эсхатологических сочинений, написанных отцами Церкви периода классического христианства или связываемых с их именами, а также созданных православными авторами Киевской митрополии. Поскольку в России до XVIII в. **основным оставался все-таки рукописный способ распространения**, то печатные тексты стали служить основой для их переписывания, т. е. дали новый импульс развитию традиционной формы их бытования.

Раскол в Русской церкви, окончательно оформленный соборами 1666—1667 гг., еще более способствовал восприятию действительности в эсхатологических категориях. Защитники старого обряда утверждали мысль об уже совершившемся воцарении в мире антихриста и провозгласили переживаемые времена «последними» перед ожидаемым вскоре Вторым пришествием Господа. Уже первые идеологи раскола обратили пристальное внимание на эсхатологическое учение, поскольку оно стало веским аргументом при защите их права противостоять происшедшим реформам в Русской церкви. Разумеется, в первую очередь были осмыслены соответствующие тексты Священного Писания и их истолкования. Немаловажную роль при этом сыграли отмеченные нами печатные издания, которые, конечно же, были дополнены эсхатологическими текстами, функционирующими только в рукописной традиции. Процесс освоения защитниками старого обряда соответствующей литературы особенно наглядно можно представить благодаря сборнику XVII в. из собрания Е. В. Барсова (РГБ, ф. 17), № 883, введенному в научный оборот И. М. Кудрявцевым.³⁹

Особую ценность этому сборнику придают подлинные подписи четырех пустозерских узников (протопопа Аввакума, попа Лазаря, дьякона Федора, старца Епифания), которые они оставили, как очень точно заметил И. М. Кудрявцев, с целью «удостоверить» текст, санкционировать его выход в свет. В самом на-

³⁸ Книга о вере. М., 1648. Л. 267 об.—283.

³⁹ Характеристику содержания и описание сборника см.: Кудрявцев И. М. Сборник XVII в. с подписями протопопа Аввакума и других пустозерских узников // Записки Отдела рукописей / ГБЛ. М., 1972. Вып. 33. С. 148—212.

чале сборника (л. 1—43 об.) помещен «Ответ православных».⁴⁰ Следом расположено «Сказание на осьмый век о скончании мира и о антихристе, от святого Евангелия и от апостол, и от пророческих и от отеческих писаний собрание» (л. 45—102 об.). Включенные далее сочинения продолжают эсхатологическую тему: «О антихристе. Выбраны из многих книг свидетельства. Како и от кого имат рожден быти и перьвое како начнется» (л. 103—122); «Молитва. Праведный и грозный...» (л. 122 об.—124); «Послесловие Апокалипсису и всем писанным в книзе сей» (л. 124—135); [Повесть-сказание о антихристе и Страшном суде] (л. 136—197 об.); «Молитва Манасия, царя Иудейска» (л. 197 об.—199 об.); «Ответ на грешницех...» (л. 199 об.—202); «Бездна» (л. 203—214 об.).

Все сочинения этой части сборника, как и последней, содержащей список части архивных материалов протопопа Аввакума, очень хорошо охарактеризованы И. М. Кудрявцевым. По поводу «Сказания на осьмый век...» исследователем сказано только, что это «большая статья выписей на тему, указанную в заголовке. Среди них значительные выписи из Кирилловой книги (М., 1644), Книги о вере (М., 1648), из Жития Андрея Юродивого, Толкового Апокалипсиса, выписи из Откровения Мефодия Патарскаго (вероятно, первого славянско-го перевода), Торжественника, из книг Священного Писания».⁴¹

Нам представляется, что эта статья заслуживает большего внимания. Во-первых, она помещена сразу после «Ответа православных», который выражал согласованную точку зрения пустозерских узников и был их идейным манифестом. В нем уже с первых строк было заявлено о том, что переживаемые времена есть «последние», и в общих чертах представлена характеристика «антихристова царства». «Сказание на осьмый век...», по замыслу составителей, должно было подробно осветить все вопросы эсхатологического учения, которое в идеологии этого движения было основополагающим. Особую ценность этой статье придает то, что перед нами не просто выписки на эсхатологическую тему, а скорее первый в старообрядчестве опыт составления из цитат авторского сочинения.

Совсем не случайно она названа — «Сказание на осьмый век...», т. е. ей дано жанровое определение как самостоятельному произведению, но в то же время она охарактеризована как «собрание» от Священного Писания и святоотеческого предания. Цитаты подобраны и расположены очень умело. Каждая не только выражает нужную составителю мысль, но и обязательно соотносится с предыдущей и последующей. В результате получался текст, излагающий определенную авторскую концепцию. В случае необходимости, когда требовалось пояснение или между фрагментами текстов, с точки зрения автора, не было взаимодействия, он вставлял собственные комментарии, делающие весь текст еще более цельным.

Автор при составлении этой статьи ориентировался, а вернее сказать, избрал в качестве руководства для определения лейтмотива повествования, «Слово о лжепророках и ложных учителях и о безбожных скверных еретеках, и

⁴⁰ Об этом сочинении и научную публикацию текста см.: Демкова Н. С., Титова Л. В. Полемический трактат пустозерских узников «Ответ православных» в составе сборников XVII века // Общественное сознание и литература XVI—XX вв. Новосибирск, 2001. С. 170—224.

⁴¹ Кудрявцев И. М. Сборник XVII в. с подписями протопопа Аввакума и других пустозерских узников. С. 174.

о знаменах скончания века сего», надписываемое именем Иоанна Златоуста⁴² и включенное в состав печатного Маргарита в качестве 13-го Слова⁴³ в разделе «Слова, еже суть к Маргариту приложени». Как было отмечено выше, московское издание повторило украинское. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что это Слово ранее было использовано в качестве основополагающего Стефаном Зизанием при написании «Казанья о антихристе», включенного в московское издание сборника «Кириллова книга», а также автором 30-й главы «Книги о вере». Автор статьи использовал все эти тексты. Причем речь идет не только о цитировании фрагментов из них, но и об их влиянии на эсхатологические построения первых защитников старого обряда. Попытаемся все это показать, обратившись непосредственно к анализу содержания «Сказания на осьмый век...».

Интересующая нас «статья» сборника открывается большим фрагментом текста из Евангелия (Мф. 24: 3—4, 6—14).⁴⁴ Поскольку эта цитата во многом определила выбор и композиционную организацию всего дальнейшего материала, следует охарактеризовать ее, обратив внимание на содержание. Ее предваряет указание на местоположение текстов, излагающих рассказ об одном эпизоде восхождения Христа на Елеонскую гору, в трех Евангелиях: «Ев. Мат., зач. 98; Мар., зач. 58; Лук., зач. 105» (л. 45). Сюжет обозначен, т. е. назван автором-составителем, как «Вопрошение учеников». Из трех вариантов евангельских текстов, которые посвящены одному и тому же событию из жизни Христа, предпочтение отдано фрагменту из Евангелия от Матфея. Это вполне объясняется следующим обстоятельством.

В начале соответствующих глав Евангелий говорится о том, что Христос сообщил ученикам (в Евангелии от Марка — ученику) о предстоящем разрушении Иерусалима и храма. Как считают богословы, евангелисты Лука и Марк ограничились только вопросами, относящимися к теме разрушения Иерусалима. В Евангелии от Матфея к этому вопросу присоединен еще и вопрос о «втором пришествии и кончине века»,⁴⁵ что и определило выбор старообрядцев. Цитата начинается с воспроизведения 3-го стиха 24-й главы: «Сядущу же Христу на горе Елеонстей, приступиша к нему ученицы, особь глаголюще: Господи, скажи нам, когда сия будет и что есть знамение пришествия Твоего и коньчина веку...»

Далее приведен ответ, в котором перечислены множество знамений наступления «коньчины». Он начинается с 4-го стиха: «[Блуди]те, да никто же вас прельстит» (л. 45—45 об.). Именно эта фраза, как мы покажем далее, станет для составителя лейтмотивом дальнейших эсхатологических построений. Этот стих с предупреждением о необходимости спастись от обмана, «прельщения», является своеобразным введением к речи Христа, помещенной далее (см. л. 45 об.—46). В ней, как считают православные богословы, «излагается если

⁴² Ср.: Иоанн Златоуст в древнерусской и южнославянской письменности XI—XVI веков. С. 22—23.

⁴³ *Иоанн Златоуст*. Маргарит. М., 1641. Л. 576—598.

⁴⁴ РГБ, ф. 17 (собр. Барсова), № 883, л. 45—46. (Далее ссылки на листы этой рукописи даются в основном тексте в круглых скобках.)

⁴⁵ Об этом подробно см.: Толковая Библия, или Комментарий на все книги св. Писания Ветхого и Нового Завета / Ред. А. П. Лопухин. Пг., 1913 (репринт. изд.: Стокгольм, 1987). Т. 8. С. 365.

не исключительно, то преимущественно практическое учение, она не имеет целью раскрыть прежде времени судьбы мира и определить часа и дня (вообще времени) конца мира, а только научить учеников, как они должны вести себя при постоянном ожидании конца мира».⁴⁶ Защитники старого обряда остановили свой выбор на этой «эсхатологической речи» Христа совсем не случайно. С ее помощью они обозначили основные вопросы, обсуждение которых помогло им далее сформулировать взгляд на переживаемое время.

Автор-старообрядец тонко почувствовал направленность этой речи, поскольку из нее в качестве лейтмотива дальнейшего изложения он выбрал фразу «Блюдите, да никто же вас прельстит». В «Слове о лжеучителях»⁴⁷ можно выделить аналогичную направленность авторской мысли. Слово «блюдитесь» — одно из самых употребляемых в этом сочинении. Этот призыв пронизывает все повествование, насыщенное цитатами и реминисценциями из Священного Писания — Псалтири, пророческих книг, апостольских посланий и Евангелий. Вот типичный пример такого рода: «Блаженный апостол Павел вопиет: Блюдитесь псов, блюдитесь злых делателей, блюдитесь раскола. И паки: Блюдите како ходите, яко дние лукави суть. Также и Иоанн Богослов: Блюдите себе, да не погубите яже сотвористе. Мнози бо прелестницы изыдоша в мир...»⁴⁸

Выбор «Слова о лжеучителях» в качестве ориентира был предопределен и тем обстоятельством, что оно в свое время было использовано подобным образом в сочинении Стефана Зизания, которое вошло в состав сборника «Кириллова книга» под названием «Сказание на осьмый век и предание к познанию веры...» Совпадение начальных слов в наименовании заглавий «статьи» и сочинения Стефана Зизания в сборнике «Кириллова книга» не является случайным фактом, а указывает на связь текстов. Как известно, Стефан Зизаний занимался истолкованием 15-го Огласительного слова Кирилла Иерусалимского. Делал он это благодаря активному использованию, в том числе, и киевских изданий первых на церковно-славянском языке текстов, связанных с именем Иоанна Златоуста.

Уже в «прологе» на первую главу «Сказания на осьмый век...» из сборника «Кириллова книга» был сформулирован призыв «блюдитесь», а в третьей главе полностью приведена и «эсхатологическая речь» Христа.⁴⁹ Очень часто Стефан Зизаний апеллировал к апостольским посланиям, указывая на полях точные отсылки к тексту Священного Писания, но вводя эти цитаты следующим образом: «Якоже Златоустый пишет, глаголя...» В этих случаях речь шла об одном из двух киевских изданий.⁵⁰ Приведем типичный пример ссылок на тексты, связанные с именем Иоанна Златоуста: «И еще приводит Павел апостол глаголя (<...>. Дозде Златоустый (<...>. Яко святыи Златоустый в Маргарите и инде везде из апостольских книг согласно пишет (<...>. Сии суть словеса святаго апостола Пав-

⁴⁶ Толковая Библия, или Комментарий... С. 367.

⁴⁷ Именно так 13-е Слово обозначено в колонтитуле печатного издания Маргарита.

⁴⁸ *Иоанн Златоуст*. Маргарит. М., 1641. Л. 577 об.

⁴⁹ Кириллова книга. Л. 17 об.—18 (третьего счета).

⁵⁰ *Иоанн Златоуст*. Беседы на 14 посланий св. апостола Павла. Киев, 1623 (описание издания см.: Украинские книги кирилловской печати XVI—XVIII вв.: Каталог изданий, хранящихся в Гос. библиотеке СССР им. В. И. Ленина. Вып. 1: 1574 — I пол. XVII в. / Сост. А. А. Гусева, Т. Н. Каменева. М., 1976. С. 19—20, № 36); *Иоанн Златоуст*. Беседы на Деяния апостолов. Киев, 1624.

ла и святого Златоустаго».⁵¹ Сочинение Стефана Зизания проникнуто не только идеями, заимствованными из сочинений писателя периода классического христианства, но присутствуют постоянные ссылки на его авторитет, в большом количестве представлены цитаты (или их пересказ) из текстов украинско-белорусских изданий его сочинений.

Подобная картина наблюдается и в 30-й главе «Книги о вере». Ее название — «О антихристе и о скончании мира, и о страшном суде. Свидетельства от Святого Писания» — предполагает, что в ней собраны «свидетельства» наступления антихристового царства. Уже начало главы позволяет утверждать, что ее автор тоже ориентировался на «Слово о лжеучителях» из Маргарита. Открывается она словами «эсхатологической речи» Христа из Евангелия от Матфея: «Господь Бог и Спас наш Иисус Христос в пресвятом своем Евангелии, соблюдая правоверных, тако глаголет: Блюдите, да никто же вас прельстит...»⁵²

Высказать предположение о воздействии «Слова о лжеучителях» из Маргарита на Стефана Зизания и автора 30-й главы «Книги о вере», которые, в свою очередь, оказали влияние на составителя «статьи» из сборника Барс. 883, нам позволяет не только факт совпадения во всех этих сочинениях лейтмотива, но и набор определяющих изложение фрагментов текстов из Священного Писания. Автор-составитель «Сказания на осьмый век...» в качестве определяющей все дальнейшее изложение привел «эсхатологическую речь» Христа из Евангелия от Матфея. Следом он поместил несколько цитат из апостольских посланий (л. 46—48). В их отборе, как и в выборе фрагментов текстов из пророческих книг, тоже просматривается влияние «Слова о лжеучителях», поскольку они там либо процитированы, либо пересказаны с указанием точной отсылки к исходному тексту. Разумеется, следует учитывать и «посредничество» Стефана Зизания и автора 30-й главы «Книги о вере».

Открывает эту подборку цитат фрагмент из Послания ап. Иуды (1: 18, 19), который введен следующим образом: «Апостол Июда пишет. Зачало 78. В последнее время будут ругатели по своим похотех и нечестиих ходящи. Сии суть отделиющии себе от единости веры. И суть сии Духа Святого не имущи» (л. 46).⁵³ Затем без какого-либо обозначения приведены слова из 2-го Послания ап. Петра (2: 1, 2), которые воспринимаются как логичное продолжение: «Быша же и лживии пророцы в людех, якоже и в вас будут лживии учителя, иже внесут ереси погибели. И мнози поидут во след нечистот их. Ими же путь истинный похулится» (л. 46—46 об.).⁵⁴

Далее помещена цитата из Послания ап. Павла к колоссянам (2: 8), которая отсылала читателя к приведенной ранее цитате из Евангелия, уточняя, чего именно ему следует опасаться: «Блюдитесь, да некто вас прельщая философиєю

⁵¹ Кириллова книга. Л. 68—69.

⁵² Книга о вере. Л. 267 об. Ср.: Мф. 24:4—5, 10—13.

⁵³ Ср.: «Июда бо Ияковль глаголет:... в последняя времена будут человецы по своим волям ходити и нечестиих» (*Иоанн Златоуст*. Маргарит. М., 1641. Л. 582); «О том святыи апостол Июда пишет: В последнее время будут ругатели по своим похотех и нечестиих ходящи. Сии суть отделиющии себе от единости веры и суть телесни, Духа не имущии» (Книга о вере. Л. 268 об.).

⁵⁴ Ср.: «Петр же первое рече: Приити имут в последняя дни ругатели, по своим похотем ходящие. И паки глаголет: И в вас будут лжеучители, иже внесут ереси погибельныя. И испульшаго их владыки отметающесея. И мнози будут последовати нечистотам их... И погибель их не воздремлет, сынове клятве, оставльше правый путь» (*Иоанн Златоуст*. Маргарит. М., 1641. Л. 580—581 об.).

и тщетною, и тщетною лесьтию по преданию человеческому, по стихиям мира сего, а не по Христе. Что же паче сих словес яснейше в нынешная времена: Блюдитесь» (л. 46 об.). В этом случае автор явно был сориентирован следующим фрагментом из 3-й главы сборника «Кириллова книга»: «О них же явьствено Павел апостол, остерегая, пишет: Братие, блюдитесь, да никто же вас прельстит хитростью и тщетною лестию, по преданию человеческому, по стихиям мира сего, а не по Христе Иисусе...»⁵⁵ В «статье» была приведена соответствующая цитата, но исключена ссылка на апостола Павла и сделан акцент на призыве — «блюдитесь».

Затем составители включили фрагмент из еще одного послания Павла (2 Сол. 2: 3—4).⁵⁶ Цитата встроена таким образом, что создается впечатление цельности текста. На поле помещено указание — «Златоуст». Во всех других случаях цитирования апостольских Посланий даны точные отсылки именно к тексту Священного Писания. Попытаемся найти объяснение этому обстоятельству. По-видимому, в этом случае автор обратил внимание на цитату из 2-го Послания к солунянам ап. Павла благодаря «Книге о вере». В 30-й главе приведены пять стихов из 2-й главы (2: 3—4; 6—8), которые введены следующим образом: «Пишет святыи апостол сия словеса...» На поле указано: «2 Солун., глава 2, зач. 275». Цитату завершает авторский комментарий: «Зде весь образ антихристов апостол описал. На сие место святыи Иоанн Златоустый сказание творит».⁵⁷ На поле помещено указание: «2 Солун. Бесед. 4». Возможно, именно этот фрагмент привлек внимание составителя «Сказания на осьмый век...», поскольку он уже был сориентирован на это апостольское послание благодаря сборнику «Кириллова книга». Но он и в этом случае подошел творчески к его использованию.

Были процитированы только стихи 3-й и 4-й, причем текст обозначен как связанный с именем «Златоуст». Эти два стиха завершены указанием «и прочая», что может служить дополнительным свидетельством справедливости нашего предположения об использовании в этом случае «Книги о вере», поскольку именно в таком варианте они представлены в 30-й главе. В «Сказании на осьмый век...» это означало обращение к читателю с призывом учесть не только процитированный текст Послания, но и истолкование его Иоанном Златоустом, которое предлагалось в «Беседе 4». Только этим обстоятельством можно объяснить указание на поле, отсылающее не к Священному Писанию. В «Сказании на осьмый век...» явно был использован текст 30-й главы «Книги о вере», но автор обратился к исходному тексту. Речь в данном случае идет о киевском издании «Беседы на 14 посланий ап. Павла» Иоанна Златоуста.

Мы подробно остановились на анализе начала Сказания, чтобы увидеть приемы работы составителя с текстами Священного Писания. Он очень тщательно отбирал цитаты, чтобы они, логично продолжая друг друга, позволили представить читателю собственную точку зрения составителя на обсуждаемый

⁵⁵ Кириллова книга. Л. 16 (третьего счета).

⁵⁶ «Да никто же вас прельстит ни по единому образу, яко аще не приидет отступление прежде и потом открыется человек греха, сын погибели, противник и превозносяйся паче всякого глаголемаго Бога или чтилища, тако, яко сести ему во церкви Божией, аки Богу и прочая» (Барс. 883, л. 46 об.—47).

⁵⁷ Книга о вере. Л. 269.

вопрос о «кончине мира». При необходимости составитель включал небольшой авторский комментарий, который актуализовал цитату или позволял логично перейти к следующей теме. Тексты Священного Писания, разумеется, были для составителя основополагающими, и в Сказании представлены цитаты не только из Нового Завета (Евангелия, апостольских посланий, Апокалипсиса), но и из библейских пророческих книг. В данном случае нас больше всего заинтересовал репертуар привлеченных им текстов, которые обозначены в названии как «отеческие писания».

В большом количестве представлены фрагменты текста из рукописей — Жития Андрея Юродивого, причем цитаты приведены по древнейшему списку его русского перевода (л. 76 об.—83 об.),⁵⁸ а также из Торжественника (л. 65—67). Под названием «Мамера философа» приведен большой отрывок из сочинения «Мамера мудреца о последних летех» (л. 95 об.—98).⁵⁹ Все фрагменты текстов подобраны таким образом, чтобы читатель мог сделать вывод о неизбежности наступления «последних времен», которые красочно описаны. Небольшой авторский комментарий всякий раз актуализовал предсказания, позволяя соотнести давно сказанное с сегодняшним днем. Но в еще большей степени это происходило благодаря включению в Сказание цитат из печатных изданий первой половины XVII в., на которые мы обратили внимание. Большой блок цитат составлен из «Сборника из 71 слова». Из него выбраны фрагменты из Слова, приписываемого Ипполиту, папе Римскому. Составители не оставили без внимания московское издание «Поучения» Ефрема Сирина, включив в значительном количестве отрывки из 105-го Слова. Важными для них оказались также сборник «Кириллова книга» и «Книга о вере». Речь идет не только о влиянии этих текстов на эсхатологические построения, но и о включении цитат из них.

Например, включив цитату из «Книги о вере» о должном состояться в 1666 г. самом «последнем», третьем отступлении от веры, после которого наступит царство антихриста⁶⁰ (л. 98 об.—99 об.), составитель явно надеялся, что читатель сделает соответствующий вывод, поскольку именно в этом году начал работу собор, одоббивший реформы, проведенные в Русской церкви патриархом Никоном, и принявший постановление о предании анафеме защитников старого обряда. Приведенные далее отрывки текста из сборника «Кириллова книга» еще более актуализировали все идеи, сформулированные во включенных фрагментах текстов из Священного Писания.

В заключение статьи автор поместил следующее рассуждение: «Зрите сие писание, нам верно да будет. Не от своих умышлений, но от Святаго Писания, якоже сказа нам Петрово послание, 2-е, зач. 66: Яко пророчество книжное по своему сказанию не бывает ни бо волею, когда бысть человека пророчество, но от Святаго Духа просвещаемы» (л. 102—102 об.).⁶¹ Здесь автор явно счел нужным объяснить свой подход к подбору цитат. Как показал анализ статьи, в ней

⁵⁸ Об этом сочинении и публикацию его текста см.: *Молдован А. М.* Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000.

⁵⁹ Об этом сочинении см.: *Будовниц И. У.* Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы до XVIII века. М., 1962. С. 318; *Назаревский А. А.* Библиография древнерусской повести. М.; Л., 1955. С. 167—170.

⁶⁰ Ср.: Книга о вере. Л. 272 об.—273.

⁶¹ Ср.: 2 Петр. 1: 20—21.

очень важное, даже определяющее эсхатологические построения место заняли фрагменты текстов, которые мы определяем как творческое наследие Киевской митрополии. Разумеется, Священное Писание оставалось для автора, как и для читателей, непререкаемым авторитетом. В то же время, для его истолкования старообрядец обратил внимание прежде всего на цитаты из эсхатологических сочинений, репертуар которых в России к этому времени был весьма обширен, в том числе и благодаря деятельности Московского печатного двора во второй половине XVII в.

Анализ содержания «Сказания на осьмый век...» показывает, что защитники старого обряда в своих эсхатологических построениях воспользовались результатами церковной политики, которая проявлялась в издательской деятельности, направленной, в том числе, и на распространение сочинений, поддерживающих эсхатологические ожидания в обществе. Старообрядцы, опираясь на эти тексты, сумели впоследствии сформулировать несколько вариантов эсхатологического учения, благодаря которому они обосновывали свое право противостоять официальной Церкви и светской власти, т. е. выражали свои политические взгляды и социальные чаяния.